

Андрей Кулинский

16+

Андрей Анатольевич Кулинский

ПТИЦЫ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56871958

SelfPub; 2023

Аннотация

Свежие следы вымерших миллионы лет назад гигантских нелетающих птиц келенкен найдены на границе индейской резервации, а черный рынок наводнился большими птичьими костями. Группа ученых отправляется на исследование территорий, где по слухам возродились келенкен. Для Ноа участие в экспедиции кажется возможностью хорошо провести время, но начало путешествия оказывается непростым, местные власти не желают пускать ученых для исследований, внутри группы назревают конфликты и с каждым днем экспедиции тайна возрождения вымерших птиц окутывается все большим мраком. Для подготовки обложки издания использована художественная работа автора.

Андрей Кулинский

Птицы

Каждый год ближе к августу наступает время поздних туманов. Сгущаясь над озером, холодные влажные облака обволакивают береговую линию, замешиваются в лесу и медленно взбираясь по птичьей трассе, оказываются в городе, рассеивая над домами запахи ила и хвои.

– Говорят, в августе здесь уже не искупаться, – рассуждал мужчина за рулем. – Я читал, что в озере полно холодных источников. Представляешь, что они пишут? Будто у самого берега зимой никогда не появляется лед, метров на двадцать уходят вглубь озера эти подземные ручьи, но меня рассмешило не это. Они пишут, что зимой ручьи горячие, а летом ледяные... Как думаешь, Ноа, это и привлекает Келенкенов?

Он рассмеялся, а она подумала, склоняется ли имя этих древних птиц. Мужчину за рулем звали Абель и он был главой экспедиции, что казалось ей вдвойне отвратительным теперь, когда будучи здесь он начал приплетать к своим шуткам о местных еще и Келенкен, цель их исследования.

Ее молчание как-будто разозлило Абеля, машина поехала быстрее на каменистой дороге и ее приборы и книжки посыпались в разные стороны, так что ей пришлось придерживать их руками. Была в машине еще Лорена, химик из их универ-

ситета, ей предстояло исследовать состав почвы под следами, оставляемыми Келенкен каждое туманное утро на птичьей тропе, но сейчас Лорена крепко спала на переднем сидении, всю дорогу она смеялась над шутками Абеля и видимо сильно устала. В машине позади них, отставшей теперь и громко сигналившей, ехали Тео, младший сотрудник, недавний студент которому суждено всю экспедицию прислуживать Абелю, и Шейла, археолог, что она тут в одиночку будет раскапывать, Ноа не знала. Хотя и вся экспедиция была обречена на провал, глупо верить, что здесь, на севере страны возродились вдруг давно вымершие гигантские птицы, в современном мире им просто не нашлось бы места. Глубоко внутри себя Ноа признавалась, вероятной целью экспедиции был небольшой отпуск вдали от университета, денег на исследования практически не выделили, инструментов никаких, группа совсем маленькая, но тогда немного странным казалось присутствие здесь Абеля, не просто присутствие, а руководство.

Мысли об Абеле всегда вызывали в Ноа целый всплеск чувств, главными из которых были возмущение и восхищение. Возмущали ее его человеческие качества, он был весьма циничным, выдавая свое человеконенавистничество за практичность, его взгляды на мир напоминали взгляды джентльмена конца девятнадцатого века. Например, однажды во время беседы с уважаемыми профессорами на одной из конференций был поднят вопрос о жителях индейских

гетто.

– Свобода и порядок их развратила, – заметил Абель. – Времена, когда они были рабами, не так уж плохи, да им приходилось тяжело работать, но не было пьянства, за ними присматривали, не было разгула преступности. Я отвергаю любую теорию об интеллекте людей в зависимости от расы, но подумайте, ведь есть еще менталитет, культура, и что лучше для них, свобода или тюрьма?

Он говорил это, покачиваясь на кресле, покуривая трубку, дым которой задерживался в его никотиновых усах. Профессора глядели на него напряженно, повисло молчание. Ноа сидела рядом с Абелем тогда и жалела, что земля под ней не расплавилась и она не провалилась куда подальше от того места.

Должно быть из-за подобных слов и мыслей Ноа начала презирать в Абеле все. Усы, небрежную прическу, трубку, даже манеру одеваться, всегда вызывающе, как щеголеватый денди, а иногда как расхититель гробниц. "Отчего же ты не можешь одеть простой скромный костюм, когда всего лишь идешь на свои лекции?" – порой думала Ноа. А еще она ненавидела то, как много людей стремились завести с Абелем хорошие отношения, как влюбленно смотрели на него многие женщины, и как он отвечал, например, на флирт студенток, будучи женатым, хоть недавно его жена все-таки подала на развод, не выдержав количества измен.

Другое чувство, восхищение, сменяло ненависть, когда

Ноа думала о научной деятельности Абеля. К тридцати четырем годам он построил безупречную карьеру профессора по орнитологии, его исследования были посвящены древним нелетающим птицам, а самым громким событием, связанным с его именем, было обнаружение нескольких скелетов *Titanis walleri* в одной из пустынных пещер в глубине запада. Все, за что бы он не брался, оканчивалось положительным результатом, вот поэтому Ноа и удивилась, когда он взялся за эту историю с птицами Келенкен, якобы живущими в здешних лесах у озера и поднимающимися к городу вместе с туманом. И когда он предложил ей участие, она согласилась. Она была старшим научным сотрудником, имела докторскую степень и хотя ее исследования касались птиц ныне живущих, иногда Абель приглашал ее для участия в своих проектах, а на этот раз сказал, что без нее результата не будет вовсе.

"Самомнение, мой порок" – шепнула себе Ноа, когда они разгружали машину. Два домика стояли на берегу, был уже вечер и от зеркальной глади озера веяло холодом. Хотелось скорее занять себе местечко в доме, помыться и прилечь на чистые простыни после утомительной дороги, и хотелось еще посмотреть на природу вокруг. Солнце едва окрашивало каемки облаков закатным свечением, но в тихом накатывании волн на берег это свечение набирало магический блеск.

– Этот берег закрыт для местных, тут только туристы, – сказал Абель.

Он подошел так, что Ноа, увлеченная закатом, застывшая с кипой книжек в руках и дорожной сумкой за спиной, его не заметила.

– Представляешь, я читал, что они объявили эту зону природоохранной и всех местных, кто разводит тут костры, они арестовывают. А нам можно будет, потому что мы заплатили за эти два домика и зрелище восходящих по птичьей трапе Келенкенов.

– Келенкен, – поправила она. – Значит, ты уверен, что это всего лишь приманка для туристов, как Лох-Несс?.. Но ведь мы не живых птиц ищем?

– Ты права. Я не озвучивал это при всех, но когда позвал тебя, рассчитывал, что ты поймешь все сама. Конечно, эти местные дельцы раскопали где-то захоронение Келенкен... – на холмах по дороге, далеко от них замаячили фары второй машины и Абель на миг прервал свою речь, – я расскажу тебе позже, Ноа, расскажу тебе все, как есть. А пока пойдем занимать комнаты получше. Тут два дома, один пусть будет женским, во втором разместимся мы с Тео.

Сонливая Лорена успела уже занять одну из двух комнаток женского дома и теперь ее песни из душевой омрачали настроение Ноа. "Сколько придется мне прожить с этой глупой курицей?" – ругалась Ноа про себя.

Она разложила книги на полу у тумбочки, внутри которой было всего то две полочки под документы, бросила к шкафу дорожную сумку и первым делом застелила свое белье

поверх того, что было уже на кровати. С виду чистое, но в таких домиках всегда на кроватях что-нибудь присохшее и еще бывают клопы. В доме еще была кухня, но есть Ноа не хотелось, а еще ей не хотелось, чтоб кто-нибудь разбудил ее, если вдруг будет общий ужин. Она сменила дорожную одежду на мягкие спортивные штаны и футболку и легла на кровать. Голос Лорены, прежде нервировавший ее, превратился в монотонное гудение и Ноа заснула.

– Дура, ты что наделала?! – закричала Лорена и Ноа подскочила на кровати.

– Не беси меня! – кричала в ответ Шейла.

Ругань доносилась до Ноа из-за стенки.

– Отпусти! Я все равно не отдам!

– Ну и вали!

Громкий удар по полу, и снова кричит Лорена, теперь в ее словах больше брани, и "дура", самое мягкое слово. Через несколько секунд в дверь постучались.

– Войдите, – ответила Ноа, сама не зная зачем, сжав кулаки. Это была Шейла, лицо ее покраснело, но всем видом она старалась высказать спокойствие.

– Привет, – сказала она.

– Привет, – ответила Ноа.

– У этой дуры номер для двоих, – слегка задыхаясь, начала Шейла.

– Так...

– И она зачем то положила оба матраса на свою кровать...

– Что? – Ноа, все еще сжимая простыню в кулаках, нервно усмехнулась.

– Вот. Я зашла расположиться в номере. В нашем доме так – две комнаты, одна вот эта ваша одноместная, вторая двухместная, и эта...

– Лорена... Она наш химик кстати...

– Да?.. Она стянула матрас со второй кровати и положила на свою два, потому что ей жестко видите ли... А на моей только сетка и та вся расцеплена...

– Расцеплена? Скакали на ней что ли?

– Да, в таких номерах как раз скачут...

Они обе замолчали. Ноа прежде лишь пару раз пересекалась с Шейлой, но знала, что университет награждал ее за научные достижения. Шейле не было еще тридцати, она была невысокой брюнеткой с темной кожей и зелеными глазами, кажется ее родители приехали с востока... из Ирана?

– Что ж, у меня в комнате немного места, но нам хватит, – сказала Ноа. – Пойдем, перетащим сюда эту поломаную кровать и заберем твой матрас.

– Не хотелось бы мне идти к этой бешеной... Кажется, я ее нечаянно толкнула...

– И где же ты будешь спать?

Шейла прикусила губу.

– Пойдем к Абелью, – сказала Ноа, почувствовав, как на ее шее сжимается удавка чужой проблемы.

Спустя час причитаний со стороны Лорены, не желавшей все же ругаться с Абелем, произошел обмен комнатами и Ноа вместе с Шейлой разместились в двухместном номере. Вечером на площадке между домами, у беседки в обложенном камнями кострище развели огонь. Лорена, поглядывая на Ноа и Шейлу, сообщила Абелю, что дорога ее слишком утомила, завтра она будет работать как профессионал, а потому от веселья отказывается.

Абель и Тео съездили в город и привезли мяса и пива.

– Тропу открывают для туристов только после того как рассеиваются туманы. Правительство отказало мне в специальном доступе, придется с туристами исследовать тропу... Что ж, мы все же докопаемся до тайн, которые хранит эта природа, но завтра утром выспитесь как следует... – Абель поднял в руке открытую бутылку пива, – Так что выпьем за хорошее начало экспедиции и хороший сон!

– Хорошее начало, – скривилась Ноа, отпив глоток пива. – Все же нехорошо мы поступили с Лореной.

– А она с нами? – спросила Шейла.

Абель включил в машине музыку и под сочное мясо и алкоголь принялся рассказывать Тео о своих приключениях, а недавний студент ловил каждое слово своего учителя.

Ноа и Шейла обсуждали экспедицию:

– Ты веришь во все это? – спрашивала Ноа.

– А это не глупо по твоему? Просто верить? – отвечала

Шейла.

– Я не религиозный человек, – пожимала плечами Ноа.

Разговор их свернул к теме создания мира и Шейла предположила, что если бы бог все же существовал, все вокруг было бы компьютерной программой, а боги – не самыми умными программистами. После этих слов она глянула на мужчин, удостоверилась, что они совсем пьяны, и придвинув поближе к Ноа свое плетеное кресло, прошептала:

– Ты ведь понимаешь, почему Абель сюда приехал?

– Он хотел мне что-то сказать, но не успел.

– Не верь ему, вот мой совет. Я знаю, он считает всю эту туристическую историю глупостью, но ты же понимаешь, что местные не просто так выбрали именно Келенкен? Он знает причину почему, но правды не скажет. А вот как по твоему он нашел ту пещеру с *Titanis walleri*?

Ноа пожала плечами.

– Черный рынок, – шепнула Шейла и лицо ее покрылось тенью Абеля.

Он слегка покачивался, на лице его светилась неприятная улыбка:

– О чем ты, Шейла?..

Крик ужаса прервал его. Несколько секунд все глядели друг на дружку, пока Абель не крикнул Тео заглушить музыку. В возникшей тишине дверь женского дома распахнулась и на пороге появилась Лорена. Глаза ее округлились, она стояла в одной ночнушке, а в дрожащей ее руке было

большое, темного цвета перо.

– Кто-то был в нашем доме, – выговорила она.

Ноа проснулась с рассветом. В затылке неприятно гудело от вчерашнего, а еще в голове крутились сценки из сна. Ей снилось, как возле дома все бродит кто-то, все спят, а она одна видит тень чужака, но сказать ничего не может, рот ее словно сросся. А потом во дворе зажигаются фонари и в их свете видится ей старуха в просторном белом платье, но вместо рук у старухи мерзкие скрюченные птичьи когти, а лицо ее медленно обрастает клювом...

Ноа осторожно приподнялась на кровати и выглянула. Все покрыто туманом, идущим с озера. В этом тумане, как утверждает туристический бюллетень, и прячутся птицы. Но сейчас в нем виднелась лишь одна фигура и сперва испугавшись, Ноа все же узнала в этой фигуре Абея.

После вчерашнего происшествия мужчины остались сторожить снаружи у женского дома. Спать было страшно и полночи все только и обсуждали, кто мог оставить перо. Лорена призналась, что нашла его на постели Ноа, а в комнату она зашла как-будто просто извиниться. Говорила она, с трудом подбирая слова, Шейла ей не поверила, но Ноа уговорила ее извиниться в ответ. После всеобщего обсуждения в полицию решили не обращаться, из-за одного пера никто охрану к ним не приставит и дела не откроет. А вот менеджеру отеля Абель обещал позвонить на следующий день. Ближе к

рассвету девушки уснули.

Ноа посмотрела на телефон и обнаружила, что проспала всего то полтора часа, время близилось к шести утра. Накинув куртку поверх пижамы, Ноа вышла наружу. У дверей дома в плетеном кресле, свернувшись, как смог бы только очень худой человек, спал Тео. Абель глядел в бинокль в сторону птичьей тропы. На поясе его висела кобура.

– Абель, – тихо позвала Ноа.

– Да?

Глаза его были красными, лицо немного опухло, кажется он совсем не спал этой ночью. Ноа подошла к нему.

– Вы с Тео так и не менялись дежурством?

– Попробуй разбуди его, – улыбнулся Абель. – Остальные будут спать еще долго... Не хочешь прокатиться?

– К тропе? Туда же нельзя. Там наверно дежурит полиция...

– Нет. Когда мы заезжали в город, я видел несколько круглосуточных кафе. Позавтракаем. Я плачу.

Через полчаса они уже сидели в пустом и залитом холодным рассветным солнцем кафе. Ноа теперь была в своем походном джинсовом костюме, волосы она спрятала под бейсболку, несколько раз почистила зубы, чтоб избавиться от неприятного привкуса во рту, и как следует надушилась туалетной водой с нотками морского бриза. Абель был все в той же одежде, в которой приехал вчера, глаза его казались уставшими, но лицо уже не было таким опухшим, а одеж-

да выглядела чистой и не слишком помятой. Некоторое время они молчали, в ожидании заказанных блинчиков с кофе. Старая уборщица мыла полы, пахло хлоркой.

– Как ты справляешься с похмельем? – спросила Ноа. – Голова так и трещит.

– Никак, – пожал плечами Абель. – Но сегодня ничего серьезного я не планирую, будет время отоспаться. План такой, изучаем тропу и смотрим, к чему это нас приведет. Я лично думаю, что ни к чему, но будем отсеивать версии начиная с верхушки айсберга.

– Ты так и не объяснил мне...

Официант принес им заказ. Кофе отдавал пережаренными зернами, а вот блинчики были свежими и пышными, и малиновый сироп был в меру сладким. Абель заказал такой завтрак и для остальных, попросив завернуть его с собой.

Отпив кофе, он заговорил тише прежнего:

– Не я придумал эту экспедицию. Ко мне обратился президент университета, но говорил он не от своего имени. Он рассказал, как один влиятельный господин заказал у него экспертизу костей животного происхождения. Этим костям было больше 15 миллионов лет... – Абель перешел на шепот. – Экспертиза была проведена в нашем университете, конечно, подпольно. Президент сказал мне, что человек с костью известный коллекционер, и что кость досталась ему не в ту цену, которую она по его мнению стоит. Он мог бы легко продать ее и сделать хорошие деньги, но ему нужен полный

скелет и продавать этот скелет он никому не собирается. Он сделал нашему президенту предложение, и тот согласился.

– Что за предложение? – спросила Ноа.

– Коллекционер назвал президенту место, откуда, как ему удалось выяснить, были вывезены кости. Взамен мы обязуемся достать ему полный скелет Келенкена.

Ноа задумалась.

– *Titanis walleri*, – сказала она. – Тогда все было так же?

Абель отодвинулся к своему прежнему месту.

– Тогда все было иначе, – ответил он. – Мне повезло, но я пообещал больше не рисковать так научными открытиями.

– Ты о чем?

– Перо, – сказал Абель и осмотрелся по сторона, отпивая кофе. – Ты думаешь, кто его подкинул?

– А ты знаешь?

– У меня есть две версии. Может быть это местные так развлекаются, решили напугать нас. А может быть это люди коллекционера оставили мне свое напоминание, чтобы было поменьше разных мыслей... Сама думай, какая версия правдоподобней.

Ноа взглянула на блинчики, но есть ей теперь не очень хотелось.

– Как было в тот раз? – спросила она.

– Такая же наводка, как и теперь. Те же требования. И люди, следившие за каждым моим шагом. Случайный прохожий толкает тебя в плечо, извиняется, а потом шепчет на

уху время и место. Ты должен прийти туда и отчитаться, что ты уже нашел, и каковы шансы на успех перед связными коллекционера. Сама понимаешь, кем были эти связные. В прошлый раз я играл по их правилам и мне повезло, что мы нашли четыре *Titanis walleri*. Три достались университету. Если бы мы нашли лишь один, университет не получил бы ничего.

– А что теперь?

Абель промолчал, глядя на старуху уборщицу, подошедшую мыть полы у их столика. Ноа собралась с силами, нарезала оставшиеся блинчики и приступила к их съедению. Когда тарелка была уже почти пуста, старуха удалилась.

– Президент доверил мне это дело, но не доверил состав экспедиции. В прошлый раз я полагался на людей, собранных им, но понимал, что и среди них есть шпионы. На этот раз он спросил, кто мне нужен. Я сказал, что мне нужны будут люди с знаниями в археологии и орнитологии. Больше никого. На следующий день он показал мне список. Тео, Лорена и Шейла. Парнишка, едва окончивший учебу, по его мнению был достойным орнитологом, прекрасно разбирающимся в происхождении костей, Шейла поможет мне распознать места раскопок, а Лорена обладает достаточными знаниями в химии, если вдруг возникнут такие вопросы. К чему мне Лорена, я не понимал, Шейла весьма опытна и ее кандидатуру оспорить сложно, а вот Тео я попытался заменить. Не вышло, но в итоге президент пошел на уступки и я смог

пригласить тебя... Сейчас я могу верить только тебе.

Ноа смотрела ему в глаза. Кружка с кофе остановилась на полпути, едва прикоснувшись к губам.

Абель продолжил:

– Тео... о нем я даже не собираюсь говорить. Лорена выглядела вчера испуганной, но ей было проще других подобрать перо. Если только ей хватило бы ума сыграть такое... Шейла... Что ты о ней скажешь?

Ноа поставила кружку, так и не сделав глоток. Посмотрела в нее. Один лишь кофейный осадок, сбившийся в молчаливые фигуры.

– Шейла говорила не верить тебе, – произнесла она чужим голосом.

– Да, – хмыкнул Абель. – звучит подозрительно, верно?

Они забрали пакеты с завтраком для остальных членов экспедиции, сели в машину и отправились к озеру. Время еще было ранее и птичья тропа была закрыта. Всю дорогу они молчали. Ноа смотрела в окно, размышляла, как ей теперь общаться со всеми, что говорить. В отражении она видела Абеля, за карманом его куртки у пояса топорщился пистолет.

Когда они прибыли к гостевым домам, все та же утренняя тишина встретила их. Тумана теперь было еще больше, дальше пятнадцати шагов земли уже не было видно. Возле дома виднелась чья-то фигура.

– Зря мы оставили их одних, – шепнула Ноа.

– Это Тео, – спокойно ответил Абель, выбираясь из машины.

Они забрали завтрак и пошли к женскому дому. Абель махнул рукой, но таинственная фигура, не ответив, растворилась в тумане. Когда они подошли ближе, оказалось, что Тео все так же спит у дверей.

– Проклятье! – выругался Абель.

Едва он потянулся к поясу, женский голос окрикнул его:

– Руки вверх!

Это была Шейла. Она появилась из тумана. В руках ее был пистолет.

– Это вы? – удивилась она.

– А кто же еще! – нервно крикнул Абель.

– Шейла, что ты делаешь? – спросила Ноа. – И откуда у тебя оружие?

– Это не настоящий, – Шейла отдала Ноа пистолет.

Он был деревянный, покрыт лаком и плоский с одной стороны. Шейла постучала в дверь и крикнула:

– Лорена, все в порядке! – а потом стала объяснять. – Я проснулась, тебя нет, Лорена спит. Вышла наружу, у дверей храпит Тео, а потом я услышала, как шелестит трава, как будто ходит кто. Я попыталась растолкать Тео, ничего не вышло, а шум был вокруг дома и я спряталась внутри. А потом я стала искать, чем бы защититься. Я разбудила Лорену. Мы сидели внутри и боялись каждого шороха, но долго так

ждать было невыносимо, поэтому мы разделились и я нашла в доме этот деревянный пистолет...

– А если бы я был бандитом с настоящим пистолетом? – спросил Абель.

– Не знаю, – почесала голову Шейла. – Я надеялась, что это вы, но если нет, на шум выскочила бы Лорена или Тео проснулся... А что ты предлагаешь, не действовать?

– Не злить грабителей, по крайней мере.

Дверь дома открылась. Лорена осторожно выглянула наружу, в руках она сжимала кухонный нож.

Тео все не просыпался. Ноа потрогала его лоб, кожа была ледяной, а на висках холодный пот. Абель отнес его в дом. Тео раздели и уложили под одеяло. Когда Ноа и Абель уже уходили из комнаты Тео, он проснулся, посмотрел на них безумными глазами и зашептал:

– Птицы... птицы.. птицы!..

Он вскочил на кровати, еще миг лицо его озаряло безумие, но вот брови свелись, крик вновь превратился в шепот, а потом Тео и вовсе замолчал, удивленно разглядывая своих товарищей.

– Что случилось? Они нападали на нас?

– Кто они? – спросил Абель.

– Птицы... они снились мне... птицы кругом, страшные, вонючие птицы... ненавижу их!

Он вскочил с кровати, в одних трусах подбежал к окну:

– Их нет? Их правда нет? – спрашивал он, тяжело дыша.

– Правда, – ответил Абель, в голосе его читалась злость.

Ноа отошла к дверям.

– Тебе лучше лечь, Тео, – сказала она.

Ей и раньше приходилось видеть людей в белой горячке, но было это давно, в детстве и тогда пьяницу удерживали несколько человек, пока он не успокоился.

Тео схватился за волосы, глядя в окно:

– Туман... они могут быть там!

В несколько шагов запрыгнул он обратно в кровать, обернулся одеялом до самого носа. Глаза его теперь выражали испуг:

– Вы ведь не уйдете? – спросил он жалобно. – Вы не бросите меня одного? Я не хочу быть съеденным птицами...

– Ноа, – сказал Абель, не поворачиваясь к ней, глядя на Тео, – иди к себе. Я останусь с ним.

Было уже девять утра и туман начал рассеиваться. Ноа сняла кроссовки и подошла к самой воде, волны накатывали, едва касаясь ее пальцев, вода была очень холодной. "Кому мне верить?" – спрашивала она себя. – "Я давно знаю Абе-ля... Лорена, я знакома с ней несколько лет, блондинка, ко-торая хочет всем нравиться, но что у нее на уме?.. Тео? Ра-ботай он на мафию, напился бы он так?.. Шейла с деревян-ным пистолетом... зачем?"

Ее мысли прервала Лорена:

– Не стой там так, заболеешь! – крикнула она.

Ноа одела обувь и подошла к ней.

– Мы разогрели там блинчики... а ты уже завтракала? С Абелем? – спросила Лорена.

– Да. Мы ездили в город.

Лорена покусала губу:

– А как Тео? – спросила она. – Абель с ним?

– Они в своем доме. У Тео горячка, надо кому-нибудь побыть с ним, хотя бы пока он не уснет. Абель присматривает за ним.

– Ох, Абель, он и сам наверно совсем не спал. Беспокойся о нас, привез завтрак... Я пойду помогу ему.

Лорена ушла в мужской дом, а Ноа отправилась к себе. Кому-то все же придется съездить осмотреть эту птичью тропу, пока туристы там все не истоптали. Похоже это будут они с Шейлой.

Шейла была на кухне, сидела за столом и завтракала.

– Присоединяйся, – сказала она. – Лорена уже позавтракала, тут мне и тебе хватит.

Ноа налила себе кофе и села за стол.

– Безумный день, правда? – начала разговор Шейла.

– Угу, – кивнула Ноа, подбирая слова. – Помнишь, ты вчера говорила мне про Абеля и цель экспедиции...

– Да, помню. Ну ты сама подумай, как это глупо было бы, выделять деньги на проверку туристической приманки? Но это тоже кстати возможно, если на самом деле окажется, что

экспедицию финансировали местные бизнесмены, чтоб привлечь еще больше внимания. Тогда думаю, в какой-то момент на нас выйдут журналисты, а с другой стороны, если мы ничего не найдем, как это обернется для местных?

– А тебя Абель пригласил сюда?

– Нет, – не задумываясь, ответила Шейла. – Это все руководство университета. Кстати, меня редко к себе приглашает президент, а тут позвонила его секретарша, сказала, что президент хочет меня видеть. Я пришла, он порасспрашивал, как у меня дела, чем именно занимаюсь, а потом сказал, что есть такая интересная возможность и развеяться и поработать. Моя цель здесь найти места раскопок, вот и все. Знаешь, когда делают археологические раскопки, даже если это не профессионалы, они все равно будут делать все аккуратно. Для этого нужно снимать землю слоями, а не копать яму, как обычно. Конечно, если они все закопали, то найти будет сложнее, нужно будет найти границу раскопок, где свежая земля касается окаменелых слоев, идущих ступеньками вниз...

"Какая же она болтливая" – заметила Ноа. – "Или она хочет казаться такой простоватой?.."

– Ты говорила, что у тебя две версии о целях экспедиции, – напомнила Ноа.

– А? Да, – вспомнила Шейла. – Первая мысль у меня была такая. Президент пригласил меня по запросу местных, которые все и оплачивают, чтоб поднять шумиху по поводу экс-

педиции. А вторая вот такая. Видишь ли, много костей утекает на черный рынок, об этом полно слухов, но конечно, такие большие знаменитости научного мира, как Абель, знают об этом всем чуть больше слухов. Я про него много чего слышала, что он общается с такими людьми. Говорят, разные там коллекционеры на него выходят постоянно. А я думаю, они могут работать по обмену. Вроде, мы вам, а вы нам. Мы указываем вам место, откуда на черный рынок попадают кости, вы делаете свои научные открытия, но парочку костей даете нам в откуп.

– Никогда ни о чем подобном не слышала, – сказала Ноа.

– Потому что ты орнитолог. А я занимаюсь археологией уже десять лет и с разными людьми общалась по всему свету. В некоторых странах покупатели общаются со специалистами напрямую... Не уверена, что у нас это возможно, но через меценатов, которые в тайне копят коллекции костей, да, думаю так это возможно. И Абель, у него много самых неожиданных находок было, и про него я слышала, что у него такое общение есть. И вот моя вторая версия, как эта экспедиция была придумана. Абелю ее оплатили коллекционеры.

Блинчики заканчивались. Ноа подлила еще кофе себе и Шейле.

– А тебе никогда ничего такого не предлагали? – спросила Ноа.

– Нет, – ответила Шейла. – Нужно искать разный заработок, вертеться в кругах... Не такого я ума человек, у меня

бы не получилось... Кстати, как там Тео?

"Забавно, что ты только сейчас о нем вспомнила, когда еще час назад бегала вокруг дома с деревянным пистолетом... Почему ты такая спокойная?" – подумала Ноа.

Они услышали, как открылась дверь дома.

– Не бойтесь, это я, Абель, – отозвался руководитель их экспедиции.

Вскоре он появился на кухне.

– Все уже съели? – усмехнулся он, глядя на пустые тарелки.

– Мы как раз говорили о Тео, – сказала Ноа. – С ним все хорошо?

– Он уснул. Да, не думал, что парень так слаб к алкоголю... можно? – кружек больше не было и Абель попросил отпить кофе из кружки Ноа. – Вот это кофе, не то что мы пили в той забегаловке. Тео спит, а Лорена сказала, что посидит с ним, что кстати очень мило с ее стороны. Мы с Ноа съездим к тропе. А с твоей стороны, Шейла, будет неплохо остаться помочь Лорене.

– Угу, – кивнула Шейла, одними губами проговорив, – не переносу эту блондинку.

Когда они прибыли, было уже десять утра и птичья тропа вот вот должна была открыться для туристов. Располагалась она параллельно новой дороге от озера к городу, по которой приехала экспедиция, но чуть дальше на север. Некогда

в этих краях жили одни лишь индейцы, селились они, как и теперь, возле озера, а вверх на холмы, где позже отстроили город приехавшие из-за моря европейцы, была проложена дорога из камней. Теперь эта дорога считается историческим достоянием, как и останки каменных строений индейцев у озера. Несколько раз дорогу закрывали на реконструкцию, подводили к ней туристические маршруты, но в здешние места приезжало мало любителей культуры индейцев.

Начиная с прошлого лета тропа называется птичьей, на утро ее закрывают для посетителей, до тех пор, пока не рассеиваются туманы. После этого предлагается спуститься по тропе от города к озеру, разглядывая свежие огромные когтистые следы. Как утверждает туристический бюллетень, следы принадлежат птицам Келенкен, живущим где-то у воды и выходящим на охоту, скрываясь в тумане. У подножия тропы туристы могут купить индейских безделушек и подняться пешком обратно, либо дождаться автобуса, который провезет их через индейскую резервацию к ныне действующей дороге от озера к городу. В прошлом году на зиму тропу закрывали, объяснив это нехваткой бюджета для расчистки снега.

День выдался душный, небо заполонили низкие темные тучи. Кажется, вскоре должна была начаться гроза, а сейчас воздуха не хватало. У вершины тропы к десяти утра уже стояла очередь из туристов, щелкающих фотоаппаратами, спо-

ривших, смеющихся, создающих неприятный для людей с похмельем, шум. Через десять минут стояния в очереди Ноа почувствовала как начинает задыхаться.

– Как ты? – спросил ее Абель.

– Все в порядке, – ответила она.

Но с каждой минутой становилось только хуже, голова закружилась и Ноа периодически сильно сжимала глаза, чтобы мир вокруг нее вращался помедленнее.

Наконец, полиция открыла тропу и люди начали спускаться, азартно разглядывая землю вокруг в поисках следов. Как утверждает туристический бюллетень, не каждое утро выдается удача отыскать свежие следы, зато ближе к озеру есть глинистые участки, на которых уже давно запечатлелись несколько силуэтов птичьих лап.

По небу прокатились раскаты грома, туристы заговорили еще громче, кто-то даже закричал, а Ноа почувствовала горький привкус на губах. Они спустились уже до середины тропы, но следов никаких не было. Воздух стал еще более вязким и душным и Ноа поняла, что толку от нее никакого не будет.

– Я не могу больше, – сказала она Абелью. – Я пойду обратно, а ты, если дойдешь до застывших следов, ты же знаешь, измерь их, углубления, силу нажима...

– Я знаю, знаю... Но погоди, мы уже прошли полпути, может быть передохнем и поглядим, станет ли тебе лучше?

По дороге вниз Абель высматривал на обочинах палатки с

водой, но почему-то прошел мимо первых нескольких, пока им не попался тенистый тент. Ноа села на скамейку, пощупала лоб, холодный и влажный, как у Тео. Абель куда-то исчез, а рядом с ней появилась старушка из индейского племени. Одета она была не как другие индейцы, снующие вдоль птичьей тропы, вместо народных одеяний на ней был спортивный костюм. А лицо показалось Ноа знакомым.

– Это вы? – спросила она, присаживаясь рядом с Ноа. – Это же вы больны?

– Что? – по вискам Ноа побежал пот, едва она села, дышать становилось труднее.

– Не волнуйтесь, – старушка достала из сумки пластиковую фляжку. – Вот, выпейте.

– Что там? – Ноа взяла фляжку и понюхала горлышко, пахло мятой.

– Это снимет боль и голову перестанет кружить...

Раздался гром и в висках загудело. Ноа прищурилась от боли и сделала маленький глоток. Жидкость была прохладной и мягкой, как жирное молоко, сладкой. Когда Ноа открыла глаза, шел дождь и на тропе уже почти не было людей, туристы спускались к берегу, где их ждал автобус.

– Мне тоже надо идти, – сказала Ноа.

– Нет, – старушка схватила ее за плечо. – Никуда вы сейчас не пойдете. Тропа вся мокрая и легко поскользнуться. Вам нельзя спускаться одной.

Ноа решила, что старушка права. Нужно дождаться Абе-

ля. Она достала телефон и стала искать его номер. Нет связи. Новые раскаты грома, дождь заколотил по крыше сильнее, настолько плотный, что не видно уже окончания тропы, но кажется, автобус уехал.

Поднялся сильный ветер и капли дождя заносило под тент, джинсовая куртка Ноа промокла. Она обхватила себя за локти, собирая остатки тепла, а старушка на несколько минут исчезнув, вновь появилась рядом с ней. В руках у старушки был сверток полиэтиленовой пленки.

– Пойдем ко мне, девочка, тут недалеко. А то совсем озябнешь, пока ждешь своего мужчину.

– Не надо, – сказала Ноа дрожащим от холода голосом.

Но старушка и слушать ее не стала, подхватила за плечи и потянула за собой, накинула пленку на Ноа, как плащ и повела за руку по заросшему склону тропы, через высокие, словно деревья, кустарники, на территорию индейцев, куда нельзя попасть туристам.

"Как меня найдет Абель?" – говорила себе Ноа. Но все шла за старушкой, словно стала безвольной, а дождь становился сильнее с каждым шагом и Ноа перестала понимать, как далеко отошли они от птичьей тропы, все только смотрела под ноги, чтоб не упасть. Наконец, остановилась старушка и Ноа подняла глаза. Перед ними был небольшой деревянный дом, кустарники росли почти вплотную к нему, а вокруг деревья и нет ничего больше, один лишь этот дом посреди леса, домик ведьмы.

Внутри было темно и пахло сыростью. Старушка разожгла масло в светильнике, насыпала из мешка сухих углей в печку, и капнула на них горящим маслом. Запахло дымом, но зато дом стал прогреваться и старушка поставила чайник. Ноа все это время стояла у дверей, не зная, куда бросить мокрую пленку.

– Да присаживайся уже, – сказала ей старушка. – Меня зовут Рут, вот, забыла представиться.

– А меня Ноа.

– Да, – кивнула старушка. – Знаю.

Ноа выглянула в окно. Дождь превратился в ливень, а в лесу вокруг стало темно.

– Откуда вы меня знаете? – спросила Ноа.

Головная боль прошла, на смену ей появилась простуда. Старушка не отвечала, как-будто не расслышала ее, ворошила угли в печи, борясь с огнем, который потрескивал все сильнее. Глаза Ноа начали слипаться. "Который сейчас час?" – спросила она себя и подглядела на телефон, но теперь он не включался вовсе, разрядился, а за окном стало еще темнее, как будто наступил уже вечер.

Старушка поставила рядом с Ноа небольшой стульчик.

– Снимай ка свою куртку мокрую и ботинки, да вот, вытяни ноги на стульчик.

Когда Ноа устроилась, как сказала Рут, старушка накрыла ее пледом и поставила на столик рядом кружку горячего чая и тарелочку с засохшим вяленным мясом.

– Вы заботливая, – сказала Ноа. – Так откуда вы меня знаете?

– Конечно, знаю, – ответила старушка, вернувшись к огню. – Как не знать. Так сказал мужчина, который тебя привел.

– Абель так сказал?

– Абель, да. Он ведь нам помогает, мне помог. А потом он сказал, что тебе плохо. Как могла я не позаботиться о тебе? Ты не беспокойся, он найдет мой дом. Заберет тебя, когда все пройдет.

Ноа снова выглянула в окно. Густая тьма вокруг дома иногда озарялась светом молний. Она допила чай, а старушка все молчала, отвернувшись к огню, было тепло и удобно и совсем не хотелось шевелиться и постепенно Ноа уснула.

Золотистый свет касался ее век, мягкий запах цветов окончательно разбудил ее. Ноа лежала в кровати в комнате, совсем не похожей на ту, где она заснула. Кровать стояла напротив окна и Ноа не могла понять, утро сейчас или вечер, свет солнца на едва колышущихся листьях деревьев угасал, или только разгорался. В комнате было чисто и свежо, у самых ее ног стояли два ведерка с цветами, она привстала рассмотреть их и увидела в углу справа от себя спящего на кресле Абея. От шума он проснулся.

– Что происходит? – спросила Ноа.

Испугавшись, она посмотрела под одеяло, но одежда на

ней была, майка и грязные джинсы, в которых она пробиралась через дождливый лес.

– К нам... – Абель подыскивал слова. – индейцы были к нам очень любезны... Ты сильно простудилась и та женщина... Рут... когда я пришел к ней, у тебя был жар, ночью ты просыпалась и она дала тебе еще лекарств, а потом мы перенесли тебя сюда...

Ноа пощупала лоб. Холодный. Легкая слабость в теле, но кажется, она чувствовала себя здоровой.

– А как ты меня нашел? – спросила она.

– Я немного знаком с местными... Нет, я не знал дороги до дома старушки, но я знал, что ты осталась с ней, когда я вас потерял. Я спрашивал индейцев и мне показали дом.

– Где ты был вчера? Куда ты исчез, когда я ждала тебя под тентом у Рут?

– Понимаешь... – Абель почесал голову. – Извини, я конечно виноват перед тобой. Но я увидел свежий след. Я не мог... как ученый... но пошел дождь, я должен был осмотреть след, пока его не смыло, а когда я вернулся за тобой, вас уже не было...

– Угу, – задумчиво ответила Ноа.

Она встала с постели.

– Надо найти Рут, а потом поедем...

– Нет!

Абель вскочил с кресла и схватил ее за плечи. Он был очень странным и непохожим на себя, одержимым, глаза его

горели, почти как у Тео прошлым днем.

– Мы не можем уйти, – Абель придвинулся ближе, заглянул в глаза Ноа. – Это наш шанс сейчас, все ради чего мы тут.

– Ты о чем? – прошептала Ноа.

Она попыталась вырваться, но Абель держал ее крепко и ей стало страшно.

– Мы вдвоем тут, в индейской резервации, вдали от шпионов коллекционера, – быстро заговорил Абель. – Кто бы не оказался его человеком, Шейла, Лорена или Тео, сейчас они далеко, а мы тут, в резервации. Мы попали сюда, понимаешь? А они далеко. Мы можем найти места раскопок, найти скелеты Келенкенов, и они не будут знать, и мы предоставим все, как есть, научному миру, а потом эта мафия, они уже ничего нам не сделают... Они не контролируют нас сейчас и мы попали туда, куда не могли бы попасть иначе...

Абель отпустил Ноа, и она села на кровать.

– А если я не хочу? – спросила она.

– Тогда валяй, едь к ним... – махнул рукой Абель. – Но ведь я тебя знаю, я знаю ради чего ты живешь.

Ноа опустила голову в ладони, потирая виски.

– А индейцы? – спросила она сквозь пальцы.

– Они думают, что мы простые туристы... Они решили, что мы женаты.

– Что?

Ноа подняла глаза. Абель стоял спиной к ней, у окна.

– Так даже лучше, – сказал он. – Это наша легенда. Если

бы они знали, зачем мы тут, нас бы прогнали. Но вчера, когда я вернулся за тобой, эта старушка Рут почему то думала, что мы женаты, и остальные, кто провожал меня сюда, кто помогал перенести тебя. Я пообщался вчера с индейцами... Так вот, для них мы простые туристы, муж с женой, приехавшие поглядеть на птичью тропу и попавшие в такую вот историю... Они были любезны к нам, а мы...

– И сколько мы тут еще проживем по твоему? Ты думаешь, они очень гостеприимны?

– Нет, но если ты будешь больна, они не прогонят нас.

– Что?

– Тише! Абель отошел от окна. – Идут сюда! Быстрее в кровать!

Ноа повиновалась ему и легла, Абель накинул на нее одеяло и сам сел в кресло напротив.

– И сколько я буду больна? – шепотом спросила Ноа.

– Пару дней, – прошептал Абель. – Дай мне пару дней и я найду место раскопок.

– А зачем мы притворяемся спящими? Они же будут стучать? – спросила Ноа.

– Это вождь индейцев, у него тут ключи от всех дверей. Спи, – с закрытыми глазами тихо ответил Абель.

Дверь дома открылась. Были слышны шаги нескольких людей. Через мгновение в комнате появился индеец лет шестидесяти, высокий и худощавый, на сухом лице от брови и до подбородка вертикальный шрам, а на шее татуировки,

цветы и чьи-то имена, из под шляпы вились длинные седые волосы. Следом за ним вошли двое индейцев лет двадцати.

Некоторое время старик разглядывал Ноа, Абель сидел сжав губы, напряженно глядя на гостей.

– Меня зовут Хинто, – представился старик. – Я вождь живущих здесь людей. А это мои сыновья Макки и Амитола.

– Доброе утро, – кивнула Ноа.

– Как ваше здоровье? – спросил вождь.

– Ничего... слабость по всему телу, – ответила она.

– Мы не любим чужаков, – продолжил вождь. – Но мы не звери, живущие в лесу.

Он замолчал. В глазах его Ноа читала злость и недовольство и ей хотелось признаться, что уйти она может хоть сейчас. "Дурак, Абель" – ругалась она про себя. – "Ведь вождь видит, что я здорова". Но вождь продолжил говорить, и язык его стал мягче:

– Это дом дочери Рут и ее жениха. Это право Рут пригласить вас сюда и мы его уважаем. Но это место... – вождь тяжело вздохнул. – Поправляйтесь скорее.

Он кивнул Абелью, а тот кивнул в ответ и вождь ушел вместе с сыновьями.

Несколько минут Абель и Ноа молчали.

– Мне теперь не выйти из этого дома, – выругалась Ноа. – Дурак, разве не видишь какие они?

– Какие? – усмехнулся Абель. – Спокойней, Ноа, у нас все под контролем. Какая разница, что они будут думать о нас,

когда мы найдем Келенкенов?

– Келенкен, – сказала Ноа. – Не склоняй это слово, звучит глупо.

– Ты злишься, я понимаю, – Абель поднялся с кресла. – Что ж, я займусь делом, и обещаю, это не будет длиться долго. К обеду вернусь и принесу поесть... Ноа, мы делаем очень важное дело. Делаем вместе. Не забывай об этом.

Ноа лежала в постели, пока Абель не ушел. Дверь закрылась и в доме стало слышно только ее дыхание и звуки леса. Дом оказался небольшим. Маленькая кухня и там же верстак и шкафчик с пластиковыми бутылками, наполненными загустевшим машинным маслом, уборная и душ, вода в который набиралась в контейнере снаружи дома, спальня, где провела ночь Ноа и еще одна комнатка, поменьше, детская. Здесь была кроватка, а на стенах висели пустые рамки для фотографий.

– Дом дочери Рут и ее мужа, – вспомнила Ноа. – Они уехали? Забрали все с собой, а Рут оставили здесь и теперь она живет вдали от всех остальных... некрасиво. Они поссорились?

Из любопытства, что же случилось в семье Рут, Ноа обыскала весь дом и нашла один фотоальбом. Кажется, его просто забыли при переезде, он лежал на полу за шкафом на кухне, обернутый в пленку, всю покрывшуюся затвердевшей пылью, а внутри комки паутины и остатки паука, пустые стра-

ницы и несколько выцветших фото. Девочка с мальчишкой, им лет по шестнадцать наверно, похожи друг на дружку, на одной фотографии они целуются, камеру держали перед собой, так что едва разберешь что на фото.

– У индейцев наверно бывают ранние браки? Или подростки просто веселились...

Ноа листала фотографии и нашла, где они чуть постарше. У мальчишки борода и выглядит он совсем взрослым, а девушка как-будто и не изменилась и у нее виднеется живот.

– Ну да, должно быть это дочка Рут и ее жених.

В дверь постучали.

– Ноа! – послышался голос старушки Рут.

– Сейчас! – отозвалась Ноа и спрятала альбом обратно за шкафчик.

Рут принесла термос с холодным соком из лесных ягод и пластиковый контейнер с рисовой кашей вперемежку с овощами и кусочками твердого мяса. А еще у нее был мешочек с круглым белым печеньем.

– Кушай и лечись, девочка, – сказала Рут. – Вот это печенье, в нем те же травы, что и в напитке, который я тебе вчера дала. Я их заговорила, эти травы, не бойся и ешь, помогут они тебе точно.

– Спасибо.

– Ну а я пойду дальше, дел много.

– Неужели вы одна со всем по хозяйству справляетесь? – спросила Ноа.

– А как же?

Рут вышла наружу, и Ноа поспешила за ней. Домик дочери Рут стоял на склоне холма, а внизу, в долине виднелись дома индейцев, и дорога, по которой перевозили туристов в город. "Значит здесь, в лесу за холмами дом Рут, а еще дальше в противоположную от большого поселения сторону проходит птичья тропа" – догадалась Ноа.

– Я пойду с вами, – сказала Ноа. – Помогу, если можно... Я так быстрее вылечусь, если буду что-то делать. А если лежать все время, то только хуже будет.

– Верно, – улыбнулась Рут. – Хорошо, пойдем со мной.

"Индийское поселение далеко", – думала Ноа. – "Оттуда никто не увидит, что я не лежу в постели и не выгонит нас с Абелем за обман".

– Только ты же ничего не ела, – говорила Рут по дороге. – Надо поесть перед работой.

– А я иногда ем только вечером, весь день бывает просижу в университете...

– В университете? – переспросила Рут.

– Ну да... я учительницей работаю, – соврала Ноа.

– А... кажется, твой муж так и сказал.

В доме Рут было много работы. Она сама, хоть и едва разгибалась, стругала толстые ветки ножом, связывала их, а Ноа ложилась на крышу взамен сломанных. Едва покончили с последствиями грозы, Рут погрузила в тележку пятилитровые

бутылки и они отправились к реке за водой. При этом во время работы старушка все напевала себе под нос, а когда они шли к реке, расспрашивала Ноа, как они с Абедем познакомились и когда поженились. Набрав воду, они сели у берега, передохнуть перед обратной дорогой, и Ноа решила, что они с Рут достаточно подружились для личных вопросов.

– Неужели вот так и работаете все, без передышки, и никто не помогает? – спросила она.

– А как же, – снова ответила Рут. – Вечером буду шить на продажу туристам.

– Утром к нам заходил вождь Хинто, – сказала Ноа.

– Вождь, – усмехнулась Рут. – Его дед был вождем, а он любит разные фокусы. Любит ошарашить людей, чтобы почувствовать над ними власть.

– Он сказал, что дом, в котором я провела ночь, это дом вашей дочери и ее жениха.

– Верно, – Рут отвернулась и смотрела теперь на воду в реке.

– А... а где они? – спросила Ноа.

– Верно, доченька, – сказала Рут, как будто не слышала вопроса. – Это их дом.

Она встала и пошла грузить воду на тележку. По дороге к дому она шла, склонив голову, уставшая и понурая, и песни она больше не пела.

Когда они подошли к дому, Рут сказала:

– Иди к себе, у меня голова кружиться.

– Хорошо, – кивнула Ноа. – Но... извините меня за вопрос... про вашу дочь...

– Да прекрати ты! – вдруг крикнула Рут и ушла в дом, хлопнув дверью.

До вечера было еще далеко, а в доме дочери Рут совсем нечем заняться. Ноа нашла несколько книг, но читать их не хотелось. Телефон ее разрядился. Разговор с Рут оставил неприятный осадок, хотелось поскорее забыться, и Ноа решила отправиться на исследования индейской резервации.

Она обошла дом, чтобы убедиться, что вокруг никого. В поселении далеко внизу, у озера, кипела жизнь. Индейцы жгли костры, работали в огородах, а сразу на нескольких домах красили стены.

– Надеюсь, в этом лесу никого я не встречу и все они там, – сказала себе Ноа и отправилась гулять.

Склоны холмов вдоль птичьей тропы заросли старой лумой, на ветвях которой уже темнели ягоды. Вместо травы жесткий, кусающий ноги кустарник, название которого Ноа не знала.

– Удивительно глупо бродить птицам по людной тропе, которая ведет в шумный город, – рассуждала Ноа. – А мысль о раскопках мне и в голову не пришла, как Шейле... если она не шпионка конечно, и что она интересно думает сейчас о нашей пропаже? А я глупая, пошла за Абедем в эту экспедицию ради славы...

Вдали треснула ветка и Ноа пригнулась, оглядываясь. Блестящие, словно глянцевые, листья лумы шумели на ветру и слышна была перекличка птиц, кажется то лесные вороны, а больше ничего.

– Ради славы, – повторила она. – Ради славы ты с ним поехала, а вот Лорена нет... из-за этого ты ее так ненавидишь? У этой Лорены все мысли на виду, вот она точно не шпионкаааа! – крик вырвался из груди Ноа, когда мир вокруг нее перевернулся.

Петля ловушки затянулась на ее ноге и вздернула, подвесив вниз головой на ветке одного из деревьев, тело понесло словно маятник и Ноа ударилась лбом о гладкую кору ствола лумы. Сердце заколотилось от адреналина, Ноа закрыла глаза, чтобы успокоится.

– Глупая, глупая, глупая, в лес одна пошла, – повторяла она, пока тело ее не перестало раскачиваться и тогда она открыла глаза, дышать было тяжело, и кажется, по лбу на волосы стекала горячая кровь. – Вот сейчас придут волки, или индейцы, или индейцы оборотни.

Она нервно усмехнулась, пошевелила ногой, но делать это было непросто, нога начала отниматься, а веревка была крепкой и не рвалась. Ноа попыталась дотянуться до кроссовка на перетянутой веревкой ноге, развязать шнурки, но ничего не вышло, да и петля держалась не на кроссовке, а на щиколотке. Вокруг веревки кожа стерлась до крови, а Ноа ничего не чувствовала до самого бедра.

– Лишь бы нога была целой, – шептала она.

С каждой минутой сил становилось все меньше. Тело ниже бедер немело, а выше наливалось кровью и шевелиться становилось все тяжелее, в ушах появился неприятный шум. Ноа попробовала раскачаться, чтоб схватиться за дерево. Ствол был очень гладкий, пальцы соскальзывали и ухватиться не получалось. Со второй попытки Ноа обхватила дерево руками, уперлась лбом и попыталась, прижимаясь к дереву, вскарабкаться по стволу выше, но пальцы вновь соскользнули и раскачавшись с большой амплитудой, Ноа вновь ударилась о ствол, теперь уже плечом. Новый виток, Ноа выставила вперед ладонь, чтобы предотвратить удар, услышала хруст пальцев, но совсем не почувствовала. Раскачивания становились медленнее. Правая рука слегка дрожала ближе к ладони, но боли не было.

– Кровь приливает в голову, – сказала она себе. – Надо кричать, пускай приходят хоть индейцы... скоро я потеряю сознание, надо сейчас...

Но она все не решалась, а время шло. Или кровь попала ей в глаза, или уже был вечер, листья вокруг покрылись золотым свечением и Ноа догадалась, что уже отключалась и совсем этого не заметила. Во рту теперь было сухо. Она попробовала позвать на помощь, но крик застрял в горле, тихий и скомканный. Она покачала головой и почувствовала, как странно теперь двигается, словно лицо разделилось на несколько существующих отдельно частей, глаза двигались

быстрее всего остального, кожа стала бесчувственной и тяжелой. Попавшей в ловушку ноги она не чувствовала вовсе, только холод шел от нее по всему телу.

– Не знаю, совсем не знаю что делать, – шептала она.

Свет солнца тускнел от каждого моргания.

– Сколько раз я теряла сознание? – спросила себя Ноа, когда вокруг стало совсем темно.

Небо еще было светлым, но лес под слоем ветвей и листьев уже погрузился в ночь и Ноа услышала как воют волки. Вокруг глаз нервный тик, холодно, губы дрожат, несколько раз случайно Ноа их прокусила, но боли не было, только привкус крови и ощущение свежей влаги на лице. Запахло сырым озерным ветром, листья кустарников перед глазами Ноа заблестели луной, и стали слышны хищные крики сов.

– Они кричат лишь когда видят добычу, – вспомнила Ноа. – Когда собираются убить.

Крик раздался совсем близко и Ноа закрыла глаза, готовясь к смерти, как вдруг ее обхватила чья то рука и бесчувственная, налитая кровью ее нога, освободившись, сжалась в колене и ударила ее же в живот.

– Спокойней! – сказал знакомый голос.

Ноа успела открыть глаза и увидеть, как все вокруг завертелось, прежде, чем она оказалась на земле. Над головой ночной лес и улыбающийся Абель.

– Не ожидал, что ты такая тяжелая, – усмехнулся он. – Чувствуешь ногу?

– Нет, – сказала она, плача и улыбаясь.

– Погоди, – на лице его появилась обеспокоенность.

Он закатал джинсы Ноа выше колена на поврежденной ноге.

– Вся белая, – сказал он. – Чувствуешь?

– Нет. Что ты делаешь?

– Массирую твою ногу. Сейчас, погоди.

Он стал сжимать икроножные мышцы сильнее.

– Не знаю, что делать, – сказал он. – Чувствуешь сейчас?

– Немного.

Он осветил фонариком ей на лицо.

– Что у тебя с головой?

– А что?

– Губы синие, по всему лицу засохшая кровь.

– Долго я тут провисела просто.

– Долго, – повторил он.

Он принялся массировать ногу Ноа еще сильнее, развязал ботинок, снял носки.

– Попробуй пошевелить пальцами, – сказал он. – Чувствуешь их?

– Нет.

Ноа стало страшно, смотреть на ногу ей не хотелось, а Абель продолжал массировать все сильнее и вдруг он остановился.

– Слава богам этого проклятого леса, – прошептал он.

– Что там?

– А ты так и не чувствуешь? Ты только что пошевелила пальцами... Давай, будем вставать и попробуем аккуратно добраться до дома.

С помощью Абея, Ноа смогла подняться. Левая нога постепенно приходила в чувства, мышцы сильно покалывало от притока крови. Правая, что попала в ловушку, и после десяти шагов оставалась бесчувственной, но теперь Ноа могла шевелить ей. Идти было возможно, только опираясь на плечо Абея.

По щекам Ноа текли слезы от усилий, которые она прикладывала для ходьбы, ничего вокруг себя она не разбирала, а Абель вдруг остановился.

– Погляди, – шепнул он.

В нескольких метрах впереди на фоне бледной луны висела в веревочной ловушке длинная кость.

– Надо взглянуть.

– Не надо, – сказала Ноа.

– Нет. Посиди, я схожу.

Он осторожно опустил Ноа на землю и пошел к ловушке. Через несколько минут он вернулся с восторженным блеском в глазах.

– Гляди.

В руке его была кость с перьями на кусочках присохшего мяса.

– Узнаешь такую?

Ноа взяла кость. Она была сухой и тяжелой. Кусочки мяса

почернели и зачерствели, на некоторых остались еще перья. В свете фонарика цвет перьев сложно разобрать, но они были светлыми, или выцвели на солнце, ведь очевидно, что кость уже давно висела здесь.

– Наверное птицы ели тушу, оставили в ловушке только эту кость, а остальное упало на землю и там уже все съели хищники, – сказал Абель. – Что думаешь о кости?

– Не знаю, нужно больше света, – сказала Ноа. – Но это... видишь эти связки? Похоже на локтевую, или лучевую... Но размер человеческий...

– Она же не человеческая, тут перья.

– Да, да... но похожа...

– Ты понимаешь, что это значит? Птичья кость большого размера и свежая...

– Мы нашли Келенкен, – сказала Ноа, голова ее кружилась и кость двоилась в глазах.

– Ты нашла. Пойдём домой, завтра я осмотрю этот район, а ты будешь отдыхать, а потом мы уедем отсюда и напишем работу о Келенкенах... Ноа, мы вместе это сделали.

Он положил кость в рюкзак и приподнял Ноа на ноги.

– Тяжело идти? – спросил он.

– А что?

– Давай ка вот так, – и Абель перехватил Ноа на руки. – Лучше я тебя донесу. Держись за меня... Ноа?

– Что?

Он посмотрел ей в глаза:

- Больше не теряйся.
- Хорошо, – улыбнулась она.

Утром у ее ног стояли свежие цветы, а у изголовья кровати на тумбочке чашка травянистого чая и бутерброд с сливочным маслом и апельсиновым джемом. Но прежде Ноа осмотрела поврежденную ногу. Кожа стала нормального цвета, ногу слегка покалывало при движении и она все еще казалась тяжелой, а ступня была почти бесчувственной и ватной, вокруг щиколотки темная борозда синяков.

Ноа оделась, умылась и перенесла всю еду на кухонный столик. Дверь дома открылась и в коридоре напротив появился Абель.

– Проснулась? – спросил он, улыбаясь. – Как ты?

– Ничего, – горло слегка першило и Ноа говорила с хрипом.

Она попробовала пошевелить ступней и почувствовала, как медленно возвращается кровь, щиколотка сильно заболела.

– Я думаю, сегодня же мы вернемся в город, так что не переживай насчет боли. Вечером примешь обезболивающее... Только одна прогулка к тому месту. Ты ведь позволишь мне?.. Если нет, мы сейчас же поедem в больницу. Решим по твоему самочувствию.

– Чего это ты таким стал учтивым со мной? – спросила она, чувствуя, как в уголках глаз появляются слезы от боли

в ноге.

– Ноа... – Абель подошел к ней, присел напротив на колени и совершенно неожиданно для нее обнял. – Ноа, – повторил он.

Она с трудом проглотила кусок бутерброда.

– Что?

Дыхание Абеля касалось ее уха, он нежно погладил ее спину.

– Я переживал вчера. Вернулся домой, а тебя нету... Я весь лес был готов перевернуть... Как мне повезло... ты понимаешь, если бы я тебя не нашел... Я только вчера понял, что ты для меня значишь...

– Что я значу?

– Все.

Абель посмотрел ей в глаза, поднялся на ноги и поцеловал в лоб.

– Когда становишься таким старым как я, знаешь уже своих настоящих друзей, а у меня их нет. Кроме тебя. Выздоровливай.

Абель погрузил на спину рюкзак и ушел.

Ноа допила чай и вышла на крыльцо дома. Силуэт Абеля виднелся далеко в зарослях леса.

– Что я значу, – повторила она. – Как глупо... уж Лорена бы знала, что говорить в такой ситуации.

Она вернулась домой, взяла в ладони кружку и заметила, как дрожат руки. Сердце стучало, странное чувство взвол-

нованности.

– Глупости все, – сказала себе Ноа, отпив немножко чая.

День обещал быть медленным и ленивым. Ноа побродила по дому и нашла старую детскую энциклопедию. Там было про вымерших животных, было и про птиц Келенкен. Место обитания, север страны, выделено желтым маркером. На страницах вокруг детские рисунки.

– Наверное, одна из книжек дочери Рут... Интересно, куда Абель положил птичью кость? – разговаривала сама с собой Ноа. – Вчера она показалась мне странной, хоть на ней и были эти перья, но как-будто...

– Девочка... Ноа, ты дома? – послышалось снаружи.

За окном стояла Рут. Ноа поспешила впустить ее.

– Извини меня, милая, я была грубой, – с порога сообщила Рут и взгляд ее коснулся больной ноги Ноа. – Ого, а что с тобой такое?

– А... я упала, – придумала Ноа. – Поскользнулась тут, снаружи дома...

– Ой, ой, бедненькая, пойдем, я осмотрю твою ногу.

Они перешли на кухню, Ноа принесла еще один стул, Рут села напротив нее и положила больную ногу Ноа себе на колени.

– Бедненькая, – приговаривала Рут, осматривая ногу. – Но кости целы, кажется, ты сильно ударилась и передавила сухожилия.

– Сейчас уже не болит, – соврала Ноа.

– И хорошо.

Рут встала и сбежала в коридор, где сложила свой рюкзак. Обрато она вернулась с бутылкой, наполненной темным напитком, и мешочком орешков.

– Ты съела те печенья? – спросила Рут.

– Еще остались.

– Съешь обязательно. Они лечебные. А еще я приготовлю тебе напиток, что давала в день грозы, он заговорен против твоей хвори... А вот это вино из ягод лумы. Знаю-знаю, пить вредно, когда лечишься, но мы немножко выпьем, потому что мы поссорились. Так принято.

– Я не спору, – улыбнулась Ноа.

Вино было терпким, теплым, сладким, как вишневое варенье, но со сливочным привкусом, как будто отстаивалось уже не первый год. День солнечный, но слегка прохладный и такое вино было весьма кстати.

Они отпили по половине кружки и Ноа почувствовала, каким алкогольным было это вино, более напоминавшее крепкую настойку.

– Прости меня, доченька, – начала Рут.

– Это вы меня простите, я задаю глупые вопросы, – перебила ее Ноа.

– Нет. Не глупые. Ведь твой муж... Ты знаешь эту беду, все женщины ее боятся... Ты ведь хотела знать про мою дочь... Ее звали так же, как тебя.

– Правда? – удивилась Ноа и тут же поняла, как глупо звучат ее слова.

– Да, – кивнула Рут. – Ее звали Ноа... Все было хорошо, но два года назад... Знаешь, она была моложе тебя, сильно моложе, в то лето ей исполнилось восемнадцать, но вы с ней так похожи... Когда твой муж рассказал, чем ты болеешь, когда я увидела тебя, я сразу захотела помочь... А моя Ноа, я не знала совсем, не знала, что с ней было...

– Что с ней было?

Рут налила еще.

– Они с Котори дружили, сколько я их помню. А когда им исполнилось по шестнадцать, Котори сделал Ноа предложение... Молодежь... им так хотелось взрослой жизни... Котори построил этот дом и они переехали. Знаешь, им обоим не нравилось, что делает вождь Хинто, как он приглашает в наши земли туристов, заставляет всех наряжаться, лишь бы продать безделушки. Хинто, и его сыновья, они с этого много денег получают, всегда ищут, как бы продать наше прошлое, а еще эти их глупые фокусы, и поэтому Ноа и Котори поселились здесь, вдали от всех. А мне хотелось чаще с ними видеться, и они помогли мне построить маленький домик выше на холме, такой, как мне хотелось... Скромно отметили они свой переезд. Из долины пришла молодежь, несколько их близких друзей. Многим тогда не нравилось, как они говорят про вождя, поэтому друзей у них осталось совсем мало.

– А что вождь?

Рут кивнула:

– Вождь больше не считал их частью племени. Котори рассказывал, как настроил вождь всех против них. Им нужно было уезжать, а я была против, только задерживала их... А потом Ноа забеременела.

Рут закрыла глаза. По ее щекам покатались слезы. Она выпила и продолжила:

– Ты знаешь, что было дальше. Выкидыш... Ребенок умер... Котори сбежал в город, а дочь...

– Что с ней случилось? – сдерживая слезы, спросила Ноа.

– Я ищу ее, ищу уже который год... – Рут говорила, а слезы все лились по ее щекам. – Знаешь, перед тем как оставить этот дом, она вспомнила одну легенду. На этих холмах давным-давно жили большие птицы. Только это не просто птицы, в них перерождались те, за кем совсем не было грехов. Среди этих птиц было много переродившихся детей. Ноа любила такие легенды в детстве, искала книжки об этом, кино. А в тот год... Она стала искать свою девочку, бродила по лесам... Есть разные ритуалы, как призвать птиц... Так вот однажды она и ушла из дому совсем...

– Это было два года назад? – спросила Ноа.

Рут кивнула.

– Вы увидите, – сказала она. – Вы же за этим приехали с мужем в наши места? Только там, на тропе, птиц не видно. А я покажу вам.

Рут встала, взяла Ноа за руку и отвела на крыльцо дома.

– Вот там, высоко на холмах, рано утром, когда появятся туманы. Не уезжайте с мужем никуда. Я хочу показать вам этих птиц, потому что... потому что ты мне очень дорога.

Рут обняла Ноа, очень крепко, как мама могла бы обнять свою дочь.

Абель вернулся к закату. Тускло-голубое небо белело у горизонта, высокие облака покрылись холодным розовым светом, скрывшегося за холмами птичьей тропы солнца.

С собой он принес немного еще теплой гороховой каши с сосисками, упакованной в маленькие пластиковые контейнеры.

– Вождь поделился с нами, – сказал Абель. – Я заходил в поселение, предупредить Хинто, что задерживаться мы больше не будем.

Они вынесли стулья и столик с кухни на крыльцо, чтобы поесть на свежем воздухе.

– Ты что-нибудь нашел? – спросила Ноа.

– Нет, – ответил Абель.

– А где та кость? Хотела на нее взглянуть.

– А что?.. Кость я оставил в машине. Она на стоянке при въезде на птичью тропу. Там есть охрана.

– Ты ходил на тропу? А с кем-то из экспедиции ты общался?

Абель помотал головой, разжевывая кашу.

– Интересно, что они думают о нашей пропаже? – задумалась Ноа. – Не верю, что Шейла шпионит за нами.

– Возможно, – пожал плечами Абель. – Но из них троих она самая подозрительная для меня.

– Не хочу говорить о шпионах, обманах, и всем таком, – Ноа поднялась с кресла. – Ты доел? Давай сюда свою чашку, но никуда не уходи, у меня для тебя сюрприз.

Она сложила контейнеры в мусорку, взяла два одеяла, бутылку вина Рут, еще почти полную и кружки, и едва удерживая все это в руках, поспешила на крыльцо.

– Гляди!

– Чего это ты? – усмехнулся Абель. – Хочешь меня напоить? А одеяла для чего?

– Мы отсюда никуда не уйдем этой ночью.

Ноа поставила вино с кружками на столик, бросила Абелю одеяла, осторожно, вздыхая от боли в ноге, уселась в кресло.

– Помоги ка мне, давай одеяло и укрывайся сам, мы тут на всю ночь, любитель древних птиц.

– Ты объяснишь? – Абель укрыл Ноа одеялом, аккуратно подоткнув ее ноги.

Пока он располагался в кресле, Ноа наполнила кружки вином.

– Скажи, что ты думаешь теперь, когда видел свежую кость? – спросила Ноа. – Ты веришь, что это правда кость Келенкен?

– На ней были те перья. Но все же нужно провести ана-

лиз... Ноа, по твоему ученые могут просто верить?

– А в древнюю индейскую магию ты веришь?

– Что за расспросы?

– Тост, – сказала она. – За наших милых магических птиц, оживших по воле одной бедной девушки.

– Что это значит?

Ноа подняла свою кружку, чтобы чокнуться:

– Пей, – прошептала она.

Абель выпил, поставил кружку и стал рассматривать небо, поджав губы, сдерживая нарастающее чувство злости, как бывало с ним, когда что-то шло не под его контролем. Ноа веселила эта попытка Абеля сделать отвлеченный вид и все же она прервала молчание:

– Сегодня заходила Рут. Она рассказала мне грустную историю про свою дочь, а еще про магию индейцев, древние ритуалы общения с духами. Индейцы верят, что в птицах Келленкен живут души их невинно умерших родственников. Рут рассказала, что так птицы и появились тут, два года назад, после того как ее дочь провела ритуал, призвав душу своей умершей девочки... Ты знал, что дочь Рут тоже зовут Ноа?

– Нет, – ответил Абель. – Ты знаешь Рут куда лучше меня. Значит, по-твоему птицы тут появились из-за магии?

– Ты сам только что говорил, что ученые ни во что не верят... Но я хочу верить Рут, – Ноа перевела дыхание, от воспоминаний появились слезы и говорить стало сложнее. – Но... Рут сказала, что этим утром мы увидим птиц.

– Что?

– Вот с этого самого места, – голос Ноа задрожал.

Она вспомнила, как Рут обняла ее утром и в голове появились мысли, какие, как ей казалось, только у нее и бывали, мысли, от которых ей хотелось плакать.

– Эй, ты плачешь? – спросил Абель.

– Нет... я просто... знаешь, ведь это так больно, не иметь возможности прикоснуться, просто прикоснуться... ведь она ее может, никогда уже не увидит...

Абель протянул Ноа свою руку:

– Эй, дай ка мне свою ладонь, вот так.

Ноа немного успокоилась, вдохнула побольше воздуха и посмотрела на небо. Солнце зашло за горизонт, и теперь небо было прозрачным, обнажив глубину космоса.

– Извини, – сказала она, вздыхая. – у меня это, наверно, от нервов, не знаю... Плачу весь день, боюсь чего то...

– Все нормально, – сказал Абель.

– Да, теперь все нормально... Знаешь, Шейла пошутила, что если есть боги, то это просто неудачные программисты. А я вот смотрю иногда на звезды и думаю, какие мы маленькие в этой вселенной. И как быстро протекает наша жизнь, а хочется запоминающихся моментов, и запомниться другим. Но в этой малenькости есть и плюсы, проще воспринимаешь проблемы.

– В этом преимущество быть ученым, – кивнул Абель. – Воспринимаешь мир более абстрактно.

Ноа положила голову на спинку кресла, вытянула ноги. Боли почти не было, только покалывание в ступне. Она закрыла глаза, сжав крепче ладонь Абеля.

– Разбудишь меня к утреннему туману? – спросила она.

– Конечно, – сказал Абель.

Волны омывали ее босые ноги. Вода была ледяной, причиняя нестерпимую боль, но выбраться на берег Ноа не могла. Больная нога распухла, смотреть на нее было страшно. Вода все прибывала и Ноа увидела, как гостевые дома погружаются в воду. Она хотела добежать до них, но едва ли могла передвигать ноги. В окнах увидела она Шейлу и Лорену. Она попыталась окрикнуть их, но голос ее прохрипел глубоко в груди, и Ноа поняла, что все вокруг сновидение. Но легче ей от этого не стало, озеро ушло вглубь берега, затопив машины выше колес, идти все труднее, а в доме беспечно протанцевал мимо окна Тео, и Ноа вновь попробовала закричать, ведь скоро затопит всю округу, а всем кроме нее наплевать на это, и вода уже выше талии, слишком холодно, невозможно, надо проснуться, скорее...

С глубоким нервным вздохом открыла Ноа глаза. За окном шумел дождь, было темно. Она лежала в постели, в спальне. Одежда разбросана на тумбочке напротив.

– Что же вчера было?

Голова неприятно болела в затылке. Ноа вспомнила, как

они с Абелем допили вино, а потом целовались и все говорили об этих птицах.

– Абель! – позвала она.

Никто не отозвался. Она взглянула на часы, было уже шесть утра.

– Значит не темно снаружи, просто тучи, – сказала она себе. – А туман?

Одевать джинсы было трудно, ноги замерзли и кровь начнет поступать в больную ступню, только когда Ноа проснулась. Она заглянула на кухню. Никого. Вышла на крыльцо. Одно кресло перевернуто, лежит под дождем. Одежда наброшена на столик и промокла, здесь же пустая бутылка и кружки, в которых плескалась теперь дождевая вода, лес вокруг темный и мрачный и очень холодно. Ноа уже развернулась и собиралась зайти в дом, как вдруг услышала плач. У крыльца неподалеку от дома, под дождем сидела и рыдала Рут.

– О боже, – испугалась Ноа.

По коже пробежали мурашки. Рут напоминала промокшую птицу. На ней был грязный костюм из множества птичьих перьев, на голове шапка с стекляшками в форме птичьих глаз, по лицу растекалась засохшая глиняная маска.

– Рут! – крикнула Ноа.

Но старушка не отреагировала и Ноа крикнула громче. Рут подняла голову, озираясь по сторонам, словно не ожидала, что в доме кто-то есть, увидела Ноа, встала и пошатыва-

ьясь пошла к ней. Ноа выбежала на встречу, подхватила Рут под руки и повела домой, усадила ее на стул на кухне, набрала воды в кружку и поставила рядом, а Рут теперь уже не рыдала, только смотрела на пол перед собой.

– Господи, Рут, да что с вами?

Рут продолжала молчать, а Ноа не знала, что делать.

– Где этот Абель? – ругалась она.

Сбегала к себе в комнату, нашла телефон, но давно уже он был разряжен. Услышала звон и прибежала на кухню. Осколки кружки лежали на полу. Рут глядела на них, а руки ее тряслись.

– Разбила, – сказала она.

– Ничего.

Ноа налила воды в другую кружку и поднесла к губам Рут. Старушка сделала несколько глотков.

– Что случилось? – спросила Ноа. – Скажите, наконец, что случилось и что мне делать? Как вам помочь?

– Не надо мне помогать, – ответила Рут. – Это тебе нужна помощь.

– Что? Вы о чем?

– Твой муж, – Рут перевела дыхание. – Вождь убьет его.

– Что? Абея?

– Да... Послушай меня, послушай внимательно, – Рут теперь уже успокоилась совсем, смотрела в глаза Ноа. – Это все из-за меня... Какая же я глупая. Нет никаких птиц. Не видела я их, а это все... Это для ритуала костюм. Я сшила

его, потому что не могла, как другие, боялась, а для призыва птиц перья нужно пришить к коже, а я не смогла. Я хотела показать вам птиц, какая же дура, и вырядилась в свой этот костюм ритуальный, а твой муж... Он пошел на холмы, нашел меня, схватил, он ругался, очень был нервный... Они были неподалеку.

– Кто?

– Сыновья Хинто. Макки и Амитола. Они по утрам ходят по холмам, по птичьей тропе, они ставят там следы, а я... Это все началось с дочери моей, она призывала птиц, потом я стала искать ее и звать птиц этим ритуалом, переодеваясь, бродя по лесам... Я не знаю, как все вышло потом, но к нам стали приезжать туристы, а Хинто разрешил мне проводить ритуалы, искать свою дочь, но только нельзя никому знать нашу тайну, тайну о птицах, ведь он думал, что я не понимаю, что следы оставляют они, сыновья и вождь, думал, что я с ума сошла, а я знаю, что птиц не было, что это все... Я знала про фокусы Хинто, нашел как деньги заработать, а мне что, мне нужна моя дочь... Но я хотела показать вам с мужем, что птицы настоящие, я хотела, потому что вы мне нравитесь, но только я думала, что вы не пойдете в лес за мной, а он пошел, он догнал меня, схватил за руку, а потом он говорил, что я сумасшедшая, ругался из-за кости или костей чьих-то, и тут они появились, Макки и Амитола, услышали нас, и погнались за твоим мужем.

– Куда он побежал?

– Наверх. На тропу.

– Боже...

Ноа вспомнила, как блестела в лунном свете кость, а из почерствевших кусочков мяса торчали сломанные, иссохшие перья.

– Я ведь не лучше Хинто, – сказала Рут. – Права была дочь, что сбежала от меня.

– Нет, – сказала Ноа. – Вы куда лучше.

Вещей у нее никаких не было, а поэтому не нужно было и собираться. Ноа обняла на прощанье Рут и бегом, через холодный и дождливый лес отправилась к холмам. Нога болела первые минут десять, а потом Ноа перестала ее чувствовать и только боялась, лишь бы не упасть, не поскользнуться на сырой листве, лишь бы только успеть.

Вот и холмы, лес закончился куда быстрее, чем она думала и впереди только кустарник, но закончился и он, и она выбежала на птичью тропу. Далеко на вершине, у начала спуска, где находится автостоянка, увидела Ноа силуэты нескольких мужчин. Трое были на ногах, а один как-будто сидел.

– Абель! – закричала Ноа. – Оставьте его! Абель!

Подниматься по тропе наверх было сложнее, чем бежать по лесу, и ногу словно охватил огонь, жаркая боль шипящей кровью вскипала в ее венах, голова закружилась и Ноа почувствовала слабость по всему телу. Вот уже видит она всех отчетливо. На вершине вождь и его сыновья, смеются, указывают на нее, а Абель стоит перед ними на коленях, под до-

ждем.

Добравшись до них, Ноа сама упала на колени, как и Абель. Сил не было никаких. Теперь, когда она здесь, никто не смеется. В руках у вождя пистолет.

– Молодец, – сказал вождь Хинто. – Сама пришла. Мы все равно бы тебя нашли. Догадалась уже?

– Никто вашу тайну не откроет, – сказала Ноа. – Мы ученые, у нас только научный интерес...

Она задыхалась, по лицу, смешиваясь с каплями дождя, струился пот. Она заметила, что одежда Абеля грязная.

– Ученые? – спросил вождь. – Вы женаты?

– Нет.

– Вы оба лжецы... – зло сказал вождь.

Он думал некоторое время и затем вдруг спросил:

– У тебя могут быть дети?

– Что? – переспросила Ноа.

– Ты можешь родить?

– ...наверно.

– Все ложь!.. Амитола, твоя машина на стоянке? Тащи черную бутылку из багажника!

Сын вождя кивнул и побежал на автостоянку.

– Как ты могла придумать такую историю? – спросил вождь. – Как можно шутить об этом?

– О чем? – не понимала Ноа.

– О своем будущем. Ты и твой муж. Вы наврали нам, что у тебя не может быть детей, что тебе нужно вылечить этот

недуг, а Рут взялась за это. Как вы могли ее обманывать?! Проникли к ней в дом! А еще ты назвалась именем ее дочери!

– Это правда мое имя, – прошептала Ноа.

Она взглянула на Абея, но он отвернулся от нее.

– Я не знала, – сказала она. – Не знала... Я просто...

– Что? – вождь переводил взгляд с нее на Абея.

Вернулся его сын с черной бутылкой.

– Это одна из настоек на травах для наших женщин, опозоривших себя, – сказал вождь. – Когда женщина нашего племени продает себя чужакам, мы даем ей эту настойку, чтоб никогда не могла она родить человека нашей крови, чтоб прекратился на ее жизни позор и не перешел он на ее детей... Выпей, если хочешь, чтобы твой муж остался жив, – вождь приставил пистолет к виску Абея. – Выбирай. Если ты дашь нам забрать его жизнь, уйдешь спокойно. Если хочешь, чтобы он жил, отдашь нам жизнь своих детей. Ты готова на это?

Ноа молчала, глядя в глаза вождю. Всю ее трясло от холода и боли.

– Просто так мы вас не отпустим.

– Выстрелишь, и я всем все расскажу, – сквозь зубы сказала Ноа.

– Да? – усмехнулся вождь. – И кто тебе поверит? Ты думаешь, мы одни зарабатываем на туристах? Нам достается меньшая доля. Полиция, мэр, все получают. Тебе никто не

поверит, а плату свою мы с вас получим, так что решай.

– Скотина...

– Долго я ждать не буду, – на лице вождя больше не было улыбки, он взвел курок. – Твой муж, или твои неродившиеся дети... Вы заплатите мне за свою ложь.

– Дети, – прошептала Ноа.

– Что? Не слышу!

– Я выпью, – сказала она громче. – Выпью.

Сын вождя подошел к ней, открыл крышку с бутылки, приложил к губам горлышко и резко дернул за волосы, запрокинув ее голову. Горло обожгло неприятной, отдающей бензином жидкостью.

– Ну хватит! – крикнул вождь.

Ноа повалилась на землю, прижалась лбом к холодным камням, выплевывая все, что было во рту, ее тошнило. Шум в ушах постепенно ослабевал и она услышала смех. В глазах все плыло, но она увидела, как смеются, глядя на нее вождь и сыновья.

– Это водка, – сказал вождь. – А ты молодец. Ноа.

Все так же посмеиваясь, они отправились вниз по птичьей тропе, а Ноа сидела, закрыв глаза, стараясь отдышаться, а дождь шел все сильнее.

– Ноа, – услышала она голос Абея сквозь шум в ушах. – Пойдем, Ноа, пойдем.

Он поднял ее и повел к автостоянке. У машины она почувствовала себя совсем плохо, села на сырой асфальт, ды-

шать было тяжело. Несмотря на дождь, ей казалось, по лицу ее бежит один лишь пот, все вокруг расплывалось, боль в ноге и груди застилала ей зрение и вновь ее начало тошнить. После этого приступа дышать стало легче.

– Может уже поедем? – спросил Абель.

– Рут знала меня, – сказала Ноа, отплевываясь. – Когда ты меня к ней привел, она меня знала. Иногда она говорила про какую-то болезнь, а я ее не слушала... Ты все подстроил с самого начала?

– Не говори ерунду, какая еще болезнь? Тебе стало плохо в тот день, перед грозой, и я нашел Рут. Она помогла тебе. А теперь мы поедем?

– Нет, – голос Ноа срывался. – Сначала расскажи мне правду. И не держи за дуру. Вождь только что сказал про обман, про то, как мы наврали про мою болезнь Рут... Ты заранее все подстроил. Приехал сюда, познакомился с ней. Мерзавец. Ты искал пути, как проникнуть в резервацию, потому что на тропе мы бы ничего не нашли... Все было ложью, как и твой рассказ про шпионов и коллекционера. Ты врал мне с самого начала, использовал меня!

– Прекрати.

– А Шейла и Лорена? За этим, наверное, ты пригласил трех женщин в эту экспедицию. До последнего момента не знал, кто сыграет твою бедную женушку, у которой не может быть детей...

– Как тебе это в голову все пришло? – нервно усмехнулся

Абель. – Шейлу и Лорену пригласил президент университета, ты это знаешь.

– Как будто сложно было это устроить, для такого пройдохи, как ты. Выбирал между нами, пока не узнал, что дочь Рут зовут, как меня. Так проще было играть на ее чувствах, заставить помогать тебе... А на тропе, когда мне стало плохо, ты что-то добавил в мою еду?

– Заткнись.

– Нет. Вот скажи, ведь Лорена была бы готова сыграть все, что ты предложишь, а Шейла, она ведь...

– Да потому что ты такая дура, веришь любому слову! – не выдержал Абель. – И имя не играло важной роли, но когда я узнал... У Шейлы внешность, как у этих индейцев, ведь она откуда-то с востока, но как-то у меня не получалось с ней нормально общаться, а Лорена... нет, ты подходила больше других... А Тео прихватил, чтоб вещи таскал, но этот идиот напился до белой горячки. Были бы со мной нормальные люди, но нет же...

– И перо подбросил, когда мы приехали. Какой ты умный стратег, да? А коллекционер? Это ведь ты выдумал тоже? Как все было на самом деле? Шейла говорила, про слухи о тебе, что ты знаешь дельцов на черном рынке.

– Шейла... Зря я вообще ее пригласил. Ну ничего, и тебе и ей я устрою хорошенькую жизнь, когда мы вернемся. Вылетите из университета обе!

Абель сжал кулаки, как будто собирался ударить Ноа,

плюнул и сел в машину.

– До озера доберешься как-нибудь сама, – сказал он прежде, чем уехать.

Ноа проводила его машину взглядом. Совсем никого кругом, тихие улочки окраин города, видневшиеся с птичьей тропы, были безлюдны. Дождь закончился и сквозь тучи стало видно солнце. Взглянула на часы, восемь утра и медленно побрела в сторону города.

К отелю у озера она пришла через несколько часов. Машин здесь не было, и людей как будто тоже. Нога болела так, что все тело пробирала дрожь, а еще Ноа чувствовала, что простыла, нос и пальцы рук были ледяными.

Дверь женского дома оказалась заперта. На стук никто не отвечал, ключей у Ноа не было, и она села в кресло у дверей, закрыла глаза и решила уснуть и больше уже не просыпаться.

Сознание погрузилось во тьму, но не надолго. Она услышала женский голос и почувствовала, как чьи-то ладони тормошат ее плечи. Это была Шейла.

– Ноа, ты где была? – спросила Шейла. – Что с тобой такое? Тебя что, кто-то бил?

– Я была с Абелем, в резервации, – с трудом ответила Ноа. Устала она настолько, что говорить было трудно.

– Пойдем в дом, отмоем тебя. У тебя кровь по всей одежде и рвота.

Пока Ноа была в душе, Шейла рассказывала ей:

– Абель говорил, что на тропе вы ничего не нашли и оставаться тут бессмысленно. Никаких следов раскопок. Тео уехал сразу, как только отоспался. Мы с Лореной жили тут еще день, а вчера ближе к вечеру Абель заехал за своими вещами, сказал, чтоб мы тоже собирались. Лорена хотела поехать с ним, но он сказал, что поедет длинным путем, собирается заехать к своим друзьям в другом городе. Лорена обиделась и поехала домой одна, а я осталась тут на ночь. Я позвонила сегодня утром в университет, узнала номер твоей мамы, а она сказала, что ты еще не вернулась. А Абель трубку не берет, сбрасывает все звонки. Вот он козел, да?.. Ноа? Ты жива?

– Да, – слышалось из ванной.

– Ты уже все? Помочь тебе одеться?

Несколько минут Ноа не отвечала.

– Помоги, – едва слышно попросила она.

Ноа прижималась к стенке душа, боясь упасть, до халата дотянуться ей самой не получалось. Ее правая нога покрылась черными синяками от закупорившейся крови. Шейла на миг оторопела от этого зрелища.

– Надо ехать в больницу срочно, – сказала Шейла испуганным голосом.

– Надо, но я пока не могу... – Ноа сжимала зубы от боли. – Сперва позвони в полицию... Абель еще должен ехать... Пускай его задержат...

– За что?

– В машине у него кость пропавшей два года назад индейской девушки. Локтевая кость.

Новость об уходе Абея из университета застала Ноа в больнице. Прошло две недели с событий в индейской резервации на севере страны. Ноа проходила курс лечения, после операции на ноге.

В то утро Шейла решила прийти к ней, прежде ограничиваясь лишь звонками. Кусочки сухих осенних листьев вплелись в букет, который она захватила с собой. Кроме того, Шейла принесла еще фруктов, шоколадное печенье и несколько журналов.

– Ты теперь улыбаешься, – заметила она, войдя в палату.

– Улыбаюсь, потому что ты наконец заглянула.

Шейла поставила букет в вазу на подоконнике, передвинула стул ближе к кровати и села, взяв ладонь Ноа в свою.

– Похудела, – сказала она.

– Ага. Мне полезно, – ответила Ноа. – Значит... он что теперь свидетель?

– Нет, – Шейла сжала губы. – Ничего не получилось. Он теперь совсем к этому не причастен. Уволился по собственному и уже получил работу в другом месте. Теперь он профессор.

– Ясно...

– И все дело... это несчастный случай.

– Все же знают, с чего все началось, что сыновья вождя

продали кость и весь черный рынок стал глядеть на север. А тогда наверно тело еще можно было найти.

– Это никак не доказать, – пожалала плечами Шейла.

– Они могли и убить ее.

– Могли. Но они говорят, что нашли кость в лесу. На ней были следы звериных клыков, а еще перья, величина кости была необычной для птицы и они нашли покупателя, а потом уже появились слухи, которыми они воспользовались. И еще, что ловушкам десятки лет, и не они их ставили... Несчастный случай. Дело закрыто.

– Значит, никто не будет наказан?

– Никто.

– А Рут? Ты ездила к ней?

– Ездила, – Шейла опустила взгляд – Я тебе не хотела говорить по телефону. Рут умерла неделю назад.

Ноа закрыла глаза, слушая, как за пределами больницы утро превращается в день. Он собирался быть теплым, светило мягкое осеннее солнце, а дерево за окном отбрасывало на стекло тень пляшущих на ветру листьев.

Шейла сжала ладонь Ноа покрепче.

– Даже не думай, – сказала она.

– А о чем я по-твоему думаю? – не открывая глаз, спросила Ноа.

– Не знаю... Надеюсь о том, что космос такой огромный, а наша жизнь так скоротечна, и почти не имеет смысла все, что мы делаем... Все правила и запреты, все ошибки... И

главное это прожить запоминающийся момент, и запомниться другим... Но если по твоему, мы живем лишь в чужих воспоминаниях, то теперь ты живешь в моих.

– Ты слишком хорошо меня знаешь, – Ноа посмотрела на Шейлу глазами, блестящими от слез.

– Ты много говоришь в бреду, – улыбнулась Шейла.